

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

ОБЩАЯ ФИЗИОЛОГИЯ ДУШИ

А. ГЕРКЕНЬ

ПРОФЕССОР

А. Геркенъ

Профессор философии въ Императорскомъ университетѣ

ПЕРЕВЕДЕНА НА РУССКАЯ ЯЗЫКА

Г. Панерна

Издатель Ф. Панкратовъ

Цена 1 рубль

СПЕЦИАЛЬНАЯ

СПЕЦИАЛЬНАЯ

Типография, гдѣ и "Восходъ", Екатерининскій каналъ, д. 113.

1890

151
444

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:

- Стр. 34, стр. 2 снизу: ощущеній
» 65, стр. 9 сверху: Ш.Рибо,
*Современная англійская
психологія.*
» 117 стр. 8 сверху: птицы
» 126 стр. 11 сверху: о вели-
кихъ авторитетахъ.
» 188 стр. 16 снизу: общей
чувствительности (панэ-
стезіи)

Слѣдуетъ читать:

- ощущеній.
Т. Рибо. *La psychologie alle-
mande contemporaine.*
птицъ.
и великихъ авторитетовъ.
панэстезіи.

Дозволено цензурою. Москва, 11 ноября 1889 года.

Jan 27, 1949 27

Письмо А. И. Герцена къ сыну по вопросу о свободѣ воли *).

Дорогой Александръ!

Я внимательно прочелъ твою брошюру о нервной системѣ. Пишу тебѣ не съ тѣмъ, чтобы опровергать

*) *Примѣчаніе переводчика.* О происхожденіи этого письма авторъ «*Основаній общей психофизиологии*» сообщаетъ намъ слѣдующее: «...Въ 66-мъ году я написалъ, по-итальянски, первую статью о волѣ съ физиологической точки зрѣнія; вопросъ этотъ заинтересовалъ моего отца, и онъ написалъ мнѣ длинное письмо на французскомъ языкѣ (чтобы я могъ показать его друзьямъ). Въ отвѣтъ на это письмо я сталъ писать цѣлый рядъ статей, изъ которыхъ впоследствии мало-по-малу и составилъ сперва мой томикъ «*Physiologie de la Volonté*» (первоначальное французское заглавіе сочиненія), а потомъ и «*Psychophysiologie générale*», которую вы переводите»... А. А. Герценъ пожелалъ, чтобы переводъ письма его отца былъ напечатанъ во главѣ русскаго изданія «*Основаній общей психофизиологии*». — Два слова о переводѣ. Въ общемъ я прилагалъ всѣ старанія, чтобы не отступать отъ подлинника. Но мѣстахъ въ трехъ, по важнымъ соображеніямъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться, я долженъ былъ стоящее въ подлинникѣ слово «психическій» замѣнить словомъ «психофизическій». Г. П.

или предлагать иное рѣшеніе. Я желалъ бы только обратить твое вниманіе на нѣкоторыя бросающіяся въ глаза особенности твоего метода, который кажется мнѣ слишкомъ одностороннимъ.

Мы расходимся съ тобою не по существу; мнѣ кажется только, что ты слишкомъ смѣло рѣшаешь вопросъ, выходящій за предѣлы физиологіи. Физиологія достойнымъ образомъ выполнила свою задачу, разлагая человѣка на безчисленное множество дѣйствій (акцій) и реакцій, сводя его къ водовороту рефлекторныхъ актовъ. Но пусть она предоставитъ социологіи возстановить интеграль, выводя человѣка изъ анатомическаго театра и возвращая его исторіи.

Смыслъ, который обыкновенно даютъ слову «воля» или «свобода воли», коренится, очевиднымъ образомъ, въ религіозномъ и идеалистическомъ дуализмѣ, раздѣляющемъ вещи недѣлимыя; съ его точки зрѣнія, воля для дѣйствія—то же, что душа для тѣла.

Человѣкъ, лишь только начинаетъ взвѣшивать свои поступки, сознаетъ, что онъ дѣйствуетъ по собственному желанію. Онъ заключаетъ отсюда о самопроизвольности своихъ поступковъ — забывая, что само сознаніе представляетъ равнодѣйствующую длиннаго ряда antecedентовъ. Онъ подмѣчаетъ цѣльность своего организма, единство всѣхъ его частей и ихъ функцій, убѣждается въ существованіи центра для его чувственной и умственной дѣятельности и заключаетъ на основаніи этого объ объективномъ существованіи души, независимой отъ матеріи и господствующей надъ тѣломъ.

Слѣдуетъ ли отсюда, что чувство свободы личности — заблужденіе, сознаніе нашего я — галлюцинація? Я не думаю этого.

Свергнуть ложныхъ боговъ необходимо, но это еще

не все: подъ масками ихъ мы должны отыскать причину ихъ существованія. Какой-то поэтъ выразился, что предразсудокъ представляетъ почти всегда младенческую форму предчувствуемой истины.

Въ твоей брошюрѣ все основано на томъ весьма простомъ принципѣ, что дѣятельность человѣка не мыслима безъ тѣла, а тѣло подчинено общимъ законамъ физическаго міра. Въ необъятной, окружающей человѣка, химической и физической лабораторіи органическая жизнь представляетъ крайне незначительную группу явленій, а среди этихъ явленій мѣсто, занимаемое жизнью, возвысившеюся до сознанія, такъ ничтожно, что негѣло выводить человѣка изъ сферы дѣйствія всеобщаго закона и допускать существованіе въ немъ стоящей внѣ закона субъективной самопроизвольности.

Это нисколько однако же не мѣшаетъ человѣку воспитывать въ себѣ способность, слагающуюся изъ разума, памяти и страсти, — способность *взвѣшивать* шансы успѣха и опредѣлять выборъ поступка, не въ силу воображаемой самопроизвольности личности, но въ силу ея организаціи, въ силу ея врожденныхъ и пріобрѣтенныхъ способностей, которыя формируются и комбинируются другъ съ другомъ на тысячу ладовъ въ зависимости отъ социальныхъ условій. *Поступокъ* въ этомъ смыслѣ представляетъ, конечно, равнодѣйствующую организаціи и ея развитія, но онъ не обязателенъ и не неволенъ, какъ акты дыхательные и пищеварительные.

Физиологія разлагаетъ сознаніе индивидуальной свободы на составные элементы, упрощаетъ дѣло, чтобы получить возможность объяснить его индивидуальной организаціей, — и это сознаніе свободы исчезаетъ безслѣдно.

Напротивъ того, социологія беретъ это сознаніе, какъ результатъ умственной дѣятельности, какъ свою основу и исходную точку, какъ безспорную и необходимую посылку. Для нея человѣкъ—существо нравственное, т. е. общественное, имѣющее свободу опредѣлять свои дѣйствія въ предѣлахъ своего сознанія и умственной дѣятельности.

Задача фізіологіи состоитъ въ томъ, чтобы прослѣдить жизненныя явленія, начиная съ клѣтки и кончая мозговой дѣятельностью; задача эта кончена, когда сознаніе сформировалось; фізіологія останавливается на порогѣ исторіи. Когда человѣкъ перестаетъ быть только животнымъ, становится существомъ социальнымъ—онъ дѣлается достояніемъ социологіи.

Такимъ образомъ роль фізіологіи по отношенію къ явленіямъ социальной жизни индивидовъ — та же, что роль органической химіи по отношенію къ ней самой. Конечно, обобщая факты, упрощая ихъ, сводя ихъ къ простѣйшему выраженію, мы дойдемъ до *движенія* и, быть можетъ, это—вѣрный путь; но міръ явленій, міръ дифференцированный, міръ особенностей и частныхъ, въ которомъ мы живемъ—этотъ единственно-реальный міръ тогда исчезаетъ.

Всѣ явленія исторической жизни, всѣ проявленія организмовъ, сгруппированныхъ, сложныхъ, имѣющихъ традицію — организмовъ второй степени — имѣютъ въ своемъ основаніи фізіологію и выходятъ за ея предѣлы.

Возьмемъ для примѣра эстетику. Прекрасное конечно подчинено законамъ природы. Оно не можетъ быть создано безъ матеріи, чувствовать красоту нельзя безъ органовъ; но ни фізіологія, ни акустика не могутъ дать теоріи художественнаго творчества, теоріи искусства.

Наслѣдственная память, традиціонная цивилизація, — равнодѣйствующая человѣческаго сожителства и историческаго развитія — создали нравственную среду, имѣющую свои элементы, свои законы, реальность которыхъ вѣ въ всякаго сомнѣнія, хотя они и мало доступны для физиологическихъ экспериментовъ.

Такъ напримѣръ, *я* для физиолога — измѣняющаяся форма дѣятельностей организма, относимая къ одному центру, одной измѣняющейся точкѣ пересѣченія; эта форма пріобрѣтаетъ болѣе опредѣленные контуры благодаря привычкѣ, сохраняется благодаря памяти. Въ социології *я* — нѣчто совершенно иное; это — первичный элементъ социології, *клеточка социальной ткани*, условіе *sine qua non*.

Сознаніе нисколько не необходимо физиологическому *я*; мы знаемъ примѣры органическихъ существъ, лишенныхъ сознанія или обладающихъ сознаніемъ смутнымъ, сводящимся къ чувству боли, голода и мышечнаго сокращенія. Для физиолога жизнь не прекращается съ прекращеніемъ сознанія, она продолжается въ различныхъ системахъ органовъ; организмъ гаснетъ не сразу, какъ лампа, а послѣдовательно и по частямъ какъ свѣчи канделябра.

Соціальное *я* напротивъ того предполагаетъ сознаніе, и сознательное *я* не можетъ ни двигаться, ни дѣйствовать, *не считая себя свободнымъ*, т. е. обладающимъ въ извѣстныхъ предѣлахъ возможностью дѣйствовать или не дѣйствовать. Безъ этой вѣры индивидуальность разлагается и пропадаетъ.

Выходя путемъ исторической жизни изъ животнаго сна, челоѣкъ стремится къ возможно болѣе полному обладанію самимъ собою. Общественныя и нравственныя идеи существуютъ только при условіи самостоятельности

(автономіи) индивида. Поэтому весь ходъ исторіи представляетъ собой постоянное освобожденіе отъ одного рабства за другимъ, отъ одного авторитета за другимъ, пока человѣкъ не достигнетъ полнаго согласія между требованіями разума и поступками, согласія, въ которомъ онъ *чувствуетъ себя свободнымъ*.

Разъ индивидъ вступилъ въ качествѣ ноты въ соціальный концертъ, его не спрашиваютъ о происхожденіи его сознанія; его сознательная индивидуальность принимается свободной, и онъ первый дѣлаетъ это.

Всякій звукъ производится колебаніями воздуха и слуховыми рефлексами, но онъ приобретаетъ для насъ иное значеніе (если угодно, существованіе), входя составнымъ элементомъ въ музыкальную фразу. Струна рвется, звукъ исчезаетъ. Но пока струна цѣла, звукъ не принадлежитъ исключительно міру вибрацій, но также и міру *гармоніи*, въ основѣ котораго лежитъ функционирующая въ симфоніи *эстетическая реальность*.

Соціальная индивидуальность есть сознательный звукъ, звучащій не для другихъ только, но и для себя. Индивидъ — продуктъ фізіологической и исторической необходимости — стремится втеченіи своего существованія утвердить себя среди двоякаго небытія, — небытія до рожденія и небытія послѣ смерти. Развиваясь по законамъ самой роковой необходимости, онъ считаетъ себя постоянно свободнымъ; это — необходимое условіе его дѣятельности, это — фактъ психологическій, фактъ соціальный.

Нельзя не считаться съ явленіемъ, до такой степени всеобщимъ. Тутъ недостаточно только отрицать, необходимо тщательно изслѣдовать явленіе и объяснить его.

Нѣтъ ни одной религіи, ни одной философской си-

стемы, которая не пыталась бы разрешить это противорѣчіе, и всегда оно оказывалось неразрѣшимымъ.

Человѣкъ во всѣ времена ищетъ для себя автономіи, свободы и — подчиненный необходимости — *хочетъ только то, чего хочетъ*; онъ не желаетъ быть ни пассивнымъ могильщикомъ прошлаго, ни безсознательно содѣйствовать родамъ будущаго. Онъ считаетъ исторію свободнымъ и необходимымъ дѣломъ своихъ рукъ. Онъ вѣритъ въ свою свободу, какъ вѣритъ въ видимый имъ внѣшній міръ, такъ какъ довѣряетъ своимъ глазамъ и такъ какъ безъ этой вѣры онъ не могъ бы ступить и шагу. Нравственная свобода такимъ образомъ — реальность психологическая или, если угодно, антропологическая.

Ты спросишь: «А объективная истина?»

Тебѣ извѣстно, что вещь сама въ себѣ, «an sich» нѣмцевъ, есть *magnum ignotum* (великое неизвѣстное), какъ и абсолютъ и конечныя причины; въ чемъ состоитъ объективность времени, реальность пространства? Я не знаю; но я знаю, что эти координаты мнѣ необходимы, что безъ нихъ я погружаюсь въ мракъ хаоса, гдѣ нѣтъ ни мѣры, ни послѣдовательности.

Человѣкъ обоготворилъ свободу воли, какъ обоготворилъ душу. Въ періодъ младенчества своего духа онъ обоготворялъ всѣ абстракціи. Физиологія сталкиваетъ идоловъ съ ихъ пьедестала и совершенно отвергаетъ свободу. Но идею свободы слѣдуетъ еще изслѣдовать, какъ феноменологическую необходимость человеческого познанія, какъ реальность психологическую.

Если-бы я не боялся прибѣгать къ старинному философскому языку, я выразился-бы, что *исторія представляетъ развитие свободы въ необходимости*.

Человѣку необходимо знать, что онъ свободенъ.

Какъ выйти изъ этого круга?

Дѣло не въ томъ, чтобы выйти изъ него, а чтобы
понять его.

Твой отецъ.



ОБЩАЯ ФИЗИОЛОГІЯ ДУШИ.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Монизмъ и дуализмъ.

Всѣ разнообразныя міровоззрѣнія сводятся къ двумъ основнымъ системамъ, извѣстнымъ подъ именемъ *дуализма* и *монизма*. Монизмъ объясняетъ всѣ явленія, включая сюда факты психической жизни, измѣненіями или состояніями *единой неизвѣстной сущности*. Дуализмъ, напротивъ того, сводитъ ихъ на *двѣ различныя сущности*, которыя онъ считаетъ извѣстными—на силу и матерію, тѣло и духъ. Обѣ эти гипотезы не только не доказаны научнымъ путемъ, но и не могутъ быть доказаны: чтобы доказать ихъ, слѣдовало-бы познать *самую сущность* вещей, недоступную нашему познанію. Всякій можетъ поэтому примкнуть къ той изъ гипотезъ, которая болѣе соотвѣтствуетъ складу его мыслей и чувствъ; признать себя дуалистомъ или монистомъ не значить утверждать справедливость того или другого

факта или научнаго положенія, это значитъ—вѣровать въ ту или другую теорію, это—дѣло вѣры каждаго.

Въ самомъ дѣлѣ, наука несомнѣннымъ образомъ доказываетъ только *фактъ* постоянной и необходимой со-вмѣстности и соотносительности извѣстныхъ нервныхъ колебаній и душевной дѣятельности. Она доказываетъ, что два эти явленія нераздѣльны, что они должны всегда происходить вмѣстѣ, что въ отсутствіи одного изъ нихъ не можетъ имѣть мѣста другое; но наука не въ силахъ рѣшить, представляютъ-ли душевная дѣятельность и нервное колебаніе *одно и то же*, или *два различныя вещи*, тѣсно связанныя другъ съ другомъ въ силу таинственной и непонятной «предустановленной гармоніи». Никакихъ положительныхъ данныхъ по этому предмету быть не можетъ; мы могли бы имѣть ихъ только въ томъ случаѣ, если бы имѣли возможность проникнуть въ сущность вещей..

Ясно такимъ образомъ, что обѣ системы гипотетичны и, по всей вѣроятности, никогда не будутъ основаны съ абсолютною точностью. Все, что тутъ возможно — большая или меньшая степень правдоподобія.

Лично я примыкаю къ монизму, такъ какъ онъ кажется мнѣ болѣе соответствующимъ всей совокупности нашихъ физико-химическихъ и психо-физиологическихъ свѣдѣній, а слѣдовательно менѣе иллюзорнымъ и субъективнымъ.—Другіе предпочтутъ, безъ сомнѣнія, дуализмъ, и они имѣютъ полное право поступить подобнымъ образомъ, если только не будутъ при этомъ становиться въ противорѣчіе съ данными науки, такъ какъ въ противномъ случаѣ ихъ дуалистическое міровоззрѣніе не можетъ рассчитывать на прочность. Въ наши дни все, не опирающееся на положительныхъ

данныхъ, рушится—быть можетъ, медленно, но неизбежно.

Но если, не насилуя логики и не противорѣча положительнымъ даннымъ науки, можно быть монистомъ или дуалистомъ, то *нельзя быть тѣмъ или другимъ наполовину*. Исходя изъ свидѣтельства собственнаго сознанія, отказываясь свести явленія познанія, чувства и воли къ особымъ видамъ колебаній нервныхъ молекулъ, *можно* допустить существованіе нематеріальной, простой, непротяженной духовной сущности, составляющей субстратъ душевныхъ явленій; но въ такомъ случаѣ *обязательно*, чтобы быть послѣдовательнымъ, распространить эту точку зрѣнія на всѣ явленія фізіологическія, химическія, физическія и признать нематеріальную сущность лежащую въ основѣ функціи питанія, химическаго сродства, тепловыхъ явленій, и т. д., такъ какъ наука нигдѣ не указываетъ намъ на существованіе демаркаціонной линіи, по одну сторону которой лежали бы двѣ, по другую—одна сущность.—Въ свою очередь, основываясь на данныхъ физики и химіи, признавая, что они ведутъ къ отрицанію дуалистической и утверженію монистической гипотезы, *можно* стать на сторону послѣдней, но тогда логически *обязательно* признать, что она сохраняетъ свою силу и по отношенію къ явленіямъ фізіологическимъ и психическимъ.

Есть, тѣмъ не менѣе, лица, которыя полагаютъ, что стоятъ на вѣрномъ пути, придерживаясь на половину монистическаго, на половину—дуалистическаго міровоззрѣнія. Они—монисты въ физикѣ и химіи,—дуалисты въ фізіологіи и психологіи; они не рѣшаются распространить свой дуализмъ на первыя и боятся распространить свой монизмъ на послѣднія. Особенно въ отношеніи своемъ къ психологіи они руководятся не на-

учными данными, а аргументаціей самаго противонаучнаго свойства, состоящей въ томъ, что тотъ или другой выводъ принимается или отвергается, смотря по послѣдствіямъ, къ которымъ они приводятъ. Какъ прекрасно выразился Льюисъ, «они объявляютъ взгляды своихъ противниковъ ложными подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы они унизительны, вмѣсто того, чтобы считать ихъ унизительными, потому что они ложны». Они забываютъ, что, во-первыхъ, наукѣ нѣтъ никакого дѣла до социальныхъ, юридическихъ, нравственныхъ или религіозныхъ слѣдствій изъ научныхъ положеній; во-вторыхъ, что каковы-бы ни были эти слѣдствія, они не могутъ ослабить значенія экспериментальныхъ или логическихъ доказательствъ положенія, научнымъ образомъ установленнаго; въ-третьихъ, что если эти доказательства существуютъ и достаточно вѣски, было бы умственнымъ самоубійствомъ не принимать того, къ чему они приводятъ, каковы-бы ни были вытекающія отсюда слѣдствія.

Но кромѣ того они упускаютъ изъ виду еще одно очень важное обстоятельство—что слѣдствія монизма и дуализма *совершенно тождественны*, если только, разумѣется, не закрывать глаза на все, чему учить насъ положительная наука. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ данныя, которыми располагаетъ наука, не относятся къ вопросу о существованіи души, рассматриваемой какъ нематеріальная сущность, со всѣми атрибутами, какіе приписываютъ ей спиритуалисты. Положительнымъ образомъ, не оставляя мѣста для сомнѣній, она доказываетъ только тотъ *фактъ*, что всякій разъ, когда имѣетъ мѣсто душевная дѣятельность, существуетъ одновременно колебательное движеніе нервныхъ молекулъ,—и обратно, всякій разъ, когда существуетъ колебатель-

ное движеніе нервныхъ молекулъ, имѣетъ мѣсто душевная дѣятельность,—что, иными словами, опредѣленные нервныя колебанія составляютъ необходимое физическое условіе проявленія душевной дѣятельности, точно такъ же, какъ душевная дѣятельность составляетъ необходимое психологическое условіе этихъ колебаній,—что, короче говоря, оба явленія стоятъ другъ къ другу въ отношеніяхъ полнаго сосуществованія и соотносительности.

Фактъ этотъ, въ качествѣ факта, долженъ быть признанъ какъ дуалистами, такъ и монистами; относительно этого пункта *не можетъ быть* разногласія; разнорѣчіе можетъ имѣть мѣсто только при *объясненіи* факта. Каждая изъ сторонъ можетъ толковать его согласно съ общимъ своимъ міровоззрѣніемъ.

Такъ, дуалисты могутъ сказать, что колебанія нервныхъ молекулъ *не составляютъ* душевной дѣятельности, а только *сопровождаютъ* ее, представляя собой феноменальное, физическое ея проявленіе, что физическій и психическій ряды явленій идутъ всегда рядомъ въ силу предустановленной гармоніи. Монисты напротивъ того скажутъ, что душевная дѣятельность не обязана своимъ происхожденіемъ особой сущности, приводящей въ колебательное состояніе молекулы нервныхъ элементовъ, какъ музыкантъ заставляетъ вибрировать струны своего инструмента, что существуютъ не *два* ряда явленій, а *одинъ*—психофизическій, что душевные процессы—не что иное, какъ звукъ, издаваемый инструментомъ, что слѣдовательно колебанія нервныхъ элементовъ не сопровождаютъ ихъ только, но образуютъ ихъ.

Такъ или иначе—сущность дѣла отъ этого нисколько не измѣняется. Не говоря уже о томъ, что нѣтъ возможности доказать существованіе гипотетической не-